

Г.Померанц

Что в этих условиях можно делать России?

Начиная прямо сейчас, за те несколько лет относительного покоя, которые (может быть) предоставил ей беспокойный евразийский перекресток? Восстанавливать, продолжать, расширять традиции культуры, оборванные коммунистическими экспериментами? Или создавать что-то небывалое? Мне кажется, соблазн небывалого снова искушает Россию в идеологии евразийской цивилизации. Один из творцов ее прямо признался мне, что эта цивилизация – скорее явление идеологии, чем науки, призрак величия, способный вдохновить россиян.

Привкус идеологии есть в самом слове цивилизация. Тойнби определил цивилизацию как «наименьший круг стран, с которыми имеет дело историк, занимаясь проблемами собственной страны». Определение разваливается, если приложить его к России, Индонезии, Тибету и вообще любой стране, сложившейся на перекрестке двух или трех субглобальных цивилизаций. Историк России непременно затронет Византию (цивилизация!), мир ислама (цивилизация!), Запад (опять цивилизация!). То есть окружение России – не одна цивилизация (как для Англии, Франции и т.д.), а целых три. Для Тибета это Индия и Китай; для Индонезии – Индия и ислам. Иначе говоря, определение Тойнби годится только для стран, которые и на-глазок всякий относит к родственному кругу стран (Англия и Франция – страны западного христианского мира, Сирия и Египет – страны ислама). Однако в хрестоматийно плохом определении Тойнби есть одно хорошее, крепкое, точное слово – круг (полученное по наследству от Шпенглера). Это круг стран, а не отдельная страна. Это коалиция культур (как выразился Леви-Строс), устойчивая коалиция культур.

Если бы Тойнби не был английским эмпириком, с отвращением относившимся к сложным логическим построениям, он окинул бы с птичьего полета ход истории и разделил бы его на ступени: первые, локальные цивилизации (Шумер, Аккад, Египет); имперские попытки, обреченные на развал из-за отсутствия духовного единства (такими попытками наполнено II тысячелетие до Р.Х.); конфессионально-имперские цивилизации, объединившие племена и народы единым священным писанием, единым языком святого писания и единым шрифтом¹. Я их назвал субэкуменами (то есть проектами мировой цивилизации), но появление нового термина «глобализация» позволило заменить непривычный термин другим, более легким для усвоения: субглобальные цивилизации. То, что Тойнби называет

---

¹ Прошу извинить за повтор. Повторенье – мать ученья.

цивилизацией, – субглобальные цивилизации, возникающие на основе первоначального культурного круга с появлением мировых религий.

Термин «культурный круг», по-моему, не стоит забывать. Он хорошо подходит к Ближнему Востоку до христианства и ислама. Это некоторое туманное единство «идеальных типов» нескольких смежных локальных цивилизаций, которое можно описать (и Шпенглер это делает), но нельзя строго определить. С телеологической точки зрения, т.е. глядя на процесс с той точки, к которой он придет, с точки зрения его «цели», телоса, – это совокупность культур, под влиянием которых и в борьбе с которыми складывался еврейский монотеизм. Я думаю, что культурный круг – хорошее описание и для ранней истории Индии.

Тойнби дал слову цивилизация определение, не подходящее для локальных цивилизаций, но дальше он легко забывает о своем определении и пользуется словом «цивилизация» беспорядочно. Так же на-глазок раздает титул «цивилизация» Семюэл Хантингтон, на равном уровне называя цивилизациями Китай и Японию. На самом деле, Япония – одна из стран (одна из цивилизаций) субглобальной цивилизации Дальнего Востока, все корни которой – в Китае. Дальний Восток – это Китай и его дочерние культуры (Корея, Вьетнам, Япония).

Теперь легко понять, какую подмену, какой подлог заключает в себе идея евразийской цивилизации. Это попытка продолжить союз нерушимый республик свободных в царстве грез. Никто не спорит, что Россия – страна евразийская. Природа и история Евразии наложили на Россию свой отпечаток. Но субглобальной цивилизации Россия не создала и не создаст. Культура России расцвела в периоды ученичества и глохла в периоды имперского высокомерия. Андрей Рублев строго выполнял все постановления VII Вселенского собора, и только в рамках канонов, созданных византийцами, он, быть может, превзошел своих учителей в трактовке сюжетов Троицы и Спаса. Достоевский и Толстой бесспорно превзошли своих учителей, романистов Запада. Но форму романа они заимствовали, она не выросла на русской почве. В статье о французском следе в русской культуре я писал, что наши писатели как бы ткали неповторимые русские ковры из европейских ниток. Европейское в русской культуре – это европейское в целом (не английское, не французское, не немецкое, не итальянское, не испанское) и в этом смысле оно неповторимо русское. Достоевский понимал это и в романе «Подросток» высказал устами Версилова.

Мне можно возразить, что не всё в русской литературе можно свести к монологу Версилова; я и не утверждаю, что всё. Но без европейского материала не обходятся даже размышления Лебедева, в романе «Идиот». И

дальнейшее развитие русской культуры я не мыслю себе без диалога с Европой. XIX век только начал дело русской культуры – внести в европейскую (и мировую) разноголосицу свое «целостное разумение». Дело это надо продолжить. И, конечно, не только в литературе. Я думаю, русский дух расцветает в сотрудничестве с другими культурами, а не в изоляции.

Русская локальная цивилизация не имеет никаких шансов создать еще одну субглобальную коалицию. На это не хватит времени. Не хватит культурного пространства, которое можно захватить своим проектом глобализации (всё уже разобрано). Наконец – не хватит способности создать законченный круг форм культуры (ср. мою статью о гармонии форм субглобальной цивилизации в книге «Страстная односторонность и бесстрастие духа», М., 1998). Синявский назвал Россию страной Святого Духа, сильной в одухотворении любых заимствованных форм, но слабую в творчестве форм. Странички об этом в «Голосе из хора» стоит перечитать.

Единственный пример российского цивилизационного строительства – это советская система. Она спародировала все условия субглобальной цивилизации (с замахом на глобальный масштаб: слушай, земля, голос Кремля!). Ее Святое Писание – Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин. И – «я русский бы выучил только за то, что им разговаривал Ленин» (Маяковский). Наконец, и шрифт был, по возможности, унифицирован и латиница заменена кириллицей.

России надо – как и отдельному человеку – познать себя саму. Борьба за сверхдержавность была погоней за призраком, которому приносились гигантские жертвы. Страна на пороге национального самоубийства. Стоит вспомнить, что делали некоторые народы после краха империи. Персы, например, трижды завоеванные и покоренные, не отчаялись и создали такую литературу на языке фарси, что очередные завоеватели, кызылбаши, объявили государственным этот язык и независимость Ирана была восстановлена без единого выигранного персами сражения. Припоминается мне и надпись Бальзака на портрете Наполеона: что он не доделал мечом, я доделаю пером.

Ольга Шатуновская ошиблась, отдав в деревню всю свою библиотеку. Распределение культуры поровну на всех – бесплодное дело. Георгий Петрович Федотов одобрил решение Петра I: начинать надо с Академии, а не с народной школы. Большевики добились всеобщей грамотности, а вершины культуры разрушили, и создали массу, удобную для тоталитарного господства. Только возродив элиту, можно поднять народ до уровня ответственной свободы.

Это дело долгое, но дорога в тысячу ли начинается с первого шага. Россия вряд ли станет стандартной европейской страной с ее местным

партикуляризмом. Но вполне сбыточное дело – воссоздать тип русского европейца, с вселенским пониманием Европы и контактов европейского культурного мира с цивилизациями Азии. Может быть, потеряны будут некоторые территории. Но нельзя терять дух всемирной отзывчивости. Это мой философский комментарий к делу в 64 томах о преступлениях Иосифа Сталина, делу, выпотрошенному В.А.Сусловым, – и все же неистребимому.